

В ПОИСКАХ «СВОЕГО МЕСТА»: КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ*

Галина Алишина

Томский государственный университет,
Томск, Россия

IN SEARCH OF “A PLACE OF ONE’S OWN”: PEASANT COLONISATION IN TOMSK PROVINCE

Galina Alishina

Tomsk State University
Tomsk, Russia

This article examines various practices of settlement (collectively termed *водворения* in Russian historical sources) used by peasants looking to live in Siberia between the late nineteenth and early twentieth centuries. The question of where exactly to settle in Siberia was of vital importance to peasants, as making the wrong decision could undermine their wellbeing and force them to return. The government introduced special regulations concerning the allotment of places for migrants: peasants could either found a new village or join an existing one (so-called old resident (Rus. *старожильческие*) villages). The regulations had both advantages and disadvantages, and the difficulties that were often encountered in the process of settlement, as well as other factors, brought about semi-illegal and illegal practices in solving the problem. The search for an appropriate place to live was complicated by a number of issues, including the lack of land in areas most suitable for living in Siberia, unauthorised settlements, and corruption among local officials. These issues provided fertile ground for conflicts and for violations of established rules. The article examines these aspects of peasant settlement and the relations that formed as a result. The understanding of challenges that peasants faced in the region will ensure an accurate evaluation of large-scale peasant settlement beyond the Urals during the period in question. The study is based

* Статья подготовлена в рамках научного проекта № 8.1.27.2018, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

** *Citation*: Alishina, G. (2020). In Search of “a Place of One’s Own”: Peasant Colonisation in Tomsk Province. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 4. P. 1307–1320. DOI 10.15826/qr.2020.4.529.

Цитирование: Alishina G. In Search of “a Place of One’s Own”: Peasant Colonisation in Tomsk Province // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 4. P. 1307–1320. DOI 10.15826/qr.2020.4.529 / Алишина Г. В поисках «своего места»: крестьянская колонизация в Томской губернии // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 4. С. 1307–1320. DOI 10.15826/qr.2020.4.529.

on the historical-genetic method and the institutional approach, which are used to reveal settlement practices. The author concludes that there was a variety of ways in which decisions on settlement in particular places were taken, determining the reasons behind the emergence of semi-illegal and illegal solutions.

Keywords: Siberia in the late 19th – early 20th centuries; peasant migrants; migration; Tomsk province.

Раскрываются практики определения места жительства (в исторических источниках – «водворения»), сложившиеся среди крестьян-переселенцев в Сибири (конец XIX – начало XX в.). Вопрос о месте поселения имел большое значение, от его решения напрямую зависело благополучие крестьян-колонизаторов. Неудачно выбранное место жительства ставило под угрозу успех переселения и могло стать причиной возвращения крестьян назад. Правительством были установлены правила отведения мест для переселенцев, предполагавшие два ключевых сценария: образование нового переселенческого поселка или причисление к уже существующему поселению старожилов. Установленные законом варианты водворения имели для крестьян-новоселов как положительные, так и отрицательные последствия. Трудности в реализации установленных правил, а также другие обстоятельства приводили к формированию полу- и незаконных практик в решении этого вопроса. Поиск хорошего участка осложнялся целым рядом факторов, в числе которых были исчерпание земельного фонда в наиболее пригодных для заселения частях Сибири, самовольные стихийные переселения, коррумпированность местных чиновников и пр. Все это служило благодатной почвой для различных нарушений установленных правил, злоупотреблений и конфликтов. Понимание и учет трудностей, с которыми столкнулись на своем пути сибирские переселенцы, повысят точность оценки массового крестьянского переселения за Урал. В основе исследования лежат историко-генетический метод и институциональный подход, позволившие выявить переселенческие практики. В результате было установлено разнообразие вариантов водворения крестьян-переселенцев в Сибири, а также определены причины и факторы, которые привели к появлению различных полу- и незаконных практик определения места поселения.

Ключевые слова: история Сибири конца XIX – начала XX в.; крестьяне-переселенцы; миграция; Томская губерния.

Массовое крестьянское переселение за Урал, происходившее в конце XIX – начале XX в., стало серьезным испытанием и вызовом для властей и населения Азиатской России. Представление о «бескрайних просторах Сибири» оказалось ошибочным. Удобных для переселения и при этом свободных земель в регионе было меньше, чем желающих на них обосноваться. Это усложнило поземельные отношения и привело к возникновению серьезных противоречий в среде сибирского насе-

ления, состоявшего из новоселов, старожил и инородцев. Разумеется, в законодательстве был регламентирован порядок водворения (отведения места) и землеустройства (упорядочивания землепользования) переселенцев, время от времени вводились запреты и устанавливались ограничения. Однако реальные ситуации и условия, складывавшиеся на местах, зачастую не вписывались в нормативные рамки. Переселенцы вырабатывали различные практики, носящие полу-, а то и вовсе незаконный характер, чтобы решать возникавшие перед ними задачи, первостепенными из которых были водворение и последующее землеустройство. Именно от их решения во многом зависела дальнейшая судьба переселенческих хозяйств [Чуркин, с. 20].

Выявление и оценка практик водворения, к которым прибегали крестьяне-колонизаторы, затруднены объективными обстоятельствами, особенно когда речь идет о полу- и незаконных способах определения места жительства. Очень сложно подсчитать, как часто переселенцы к ним прибегали (не все подобные случаи были зафиксированы), а также сравнить показатели по уездам или губерниям. В сохранившихся источниках очевидцы событий (крестьяне, чиновники, исследователи) зачастую не называют точных цифр, давая лишь субъективную оценку масштабам и последствиям реализуемых практик. Изучение законных способов водворения также встречает на своем пути препятствия. Правильный учет «приселения» крестьян-колонизаторов в старожильческие общества был установлен в Томской губернии только с 1907 г., в других губерниях Сибири хозяйства переселенцев, приселившихся к старожилам, и вовсе не были включены в статистические исследования в начале XX в. [Переселенцы, с. 3].

Актуально определить, к каким практикам водворения прибегали крестьяне-переселенцы с учетом возможного многообразия выбора, а также описать механизмы их реализации. Для решения поставленных проблем были привлечены как опубликованные (сборники статистических сведений, периодическая печать и проч.), так и неопубликованные (архивные материалы) исторические источники, часть из которых введена в научный оборот впервые. Выявление трудностей, с которыми сталкивались переселенцы при водворении, и способов их преодоления повысит объективность оценки массового крестьянского переселенческого движения за Урал в конце XIX – начале XX в. Это позволит внести коррективы в подсчет затрат, которые несли переселенцы в процессе обустройства на новом месте, точнее определить риски и объяснить причины хозяйственных успехов или неудач.

Изучать крестьянское переселение за Урал начали еще его современники [Кауфман; Кузнецов; Минко]. Научный интерес к проблеме наблюдался и в советский период. При изучении колонизации Азиатской России рядом ученых много внимания уделялось землеустройству крестьян-переселенцев на сибирских землях [Горюшкин; Тихонов; Тюкавкин; Татарникова; Шиловский] и поземельным отношениям, сложившимся в регионе в позднеимперский период

[Дорофеев; Шевченко]. Однако эти авторы лишь косвенно затрагивают в своих исследованиях вопрос о сложившихся практиках водворения крестьян-переселенцев, недостаточно учитывая важный этап переселения – выбор места и условий для постоянного проживания.

Томская губерния являлась основным регионом крестьянской колонизации в конце XIX – начале XX в. На ее территории в разные годы оседало от трети до половины ходоков и переселенцев, пришедших из-за Урала [Сибирская жизнь. 1907. 23 июня; РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 759. Л. 21 и др.]. Семь уездов губернии составляли Томский переселенческий район, который был образован в 1906 г. Самой большой популярностью у переселенцев пользовался Барнаульский уезд: в 1907 г. в нем одном поселилось больше переселенцев, чем во всей Приморской области, а ведь она занимала второе место среди областей и губерний Азиатской России (после Томской) по числу пришедших крестьян-колонизаторов [Минко, с. 37–38].

Переселенческая политика российских властей нашла свое закрепление в различных нормативно-правовых актах, в которых регламентировался и порядок водворения сибирских новоселов. Согласно закону, водворению крестьян-переселенцев должна была предшествовать разведка, осуществлением которой занимались представители крестьян – ходоки (групповые и одиночные), которые выбирали места для поселения доверителей (ил. 1, 2). Желая осесть на новом

1. Группа ходоков // Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом : в 3 т. / под ред. И. И. Тхоржевского. СПб. : Изд. Переселенч. управления гл. управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. С. 474

A Group of "Khodoks" // Tkhorzhevskii, I. I. (Ed.). (1914). Aziatskya Rossiya. Ludi i poryadki za Uralom (1914) v 3 t. [Asian Russia. People and Ways beyond the Urals. 3 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Pereselencheskogo upravleniya glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya. Vol. 1, p. 474

2. Переселенцы на пути к своим участкам // Азиатская Россия. Люди и порядки за Уралом : в 3 т. / под ред. И. И. Тхоржевского. СПб. : Изд. Переселенч. управления гл. управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. С. 479

Settlers on their way to their plots // Tkhorzhevskii, I. I. (Ed.). (1914). Aziatskya Rossiya. Ludi i poryadki za Uralom (1914) v 3 t. [Asian Russia. People and Ways beyond the Urals. 3 Vols.]. St Petersburg, Izdanie Pereselencheskogo upravleniya glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya. Vol. 1, p. 479

месте, сибирские переселенцы могли действовать двумя путями, указанными во «Временных правилах о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев» от 6 июня 1904 г.: во-первых, зачислиться на свободные земли и, соблюдая требования, образовать собственное селение (переселенческий поселок) и отдельное сельское общество (при условии, что поселок состоит не менее чем из десяти дворов); во-вторых, поселиться в уже существующем населенном пункте и причислиться к старожильческому крестьянскому обществу, на что последнее должно было дать согласие [ПСЗ-1, № 24701].

Образование собственного переселенческого поселка означало для его жителей хозяйственную независимость, им не надо было адаптироваться к уже устоявшейся жизни старожильческого селения, мириться с возможным произволом «местных», чужими правилами и порядками. Кроме того, не нужно было платить старожилам за приемный приговор. Также заметно упрощался процесс социокультурной адаптации, поскольку переселенческие поселки зачастую образовывали выходцы из одной губернии, а то и вовсе из одного населенного пункта.

Однако переселенцам приходилось ждать, пока местные чиновники выделят для них участки, и вообще зависеть от расторопности и порядочности представителей власти. Новообразованные поселки по понятным причинам не обладали развитой инфраструктурой, часто имели неудобное расположение (участки отводили вдали от населенных пунктов и путей сообщения), и обустройство на новых землях растягивалось на несколько лет [Татарникова, с. 158, 160]. Запас свободных и при этом привлекательных для переселенцев земель, как уже было

отмечено, оказался не безграничен. Местные чиновники либо предлагали переселенцам не лучшие варианты, либо рекомендовали им идти дальше на восток в поисках еще не занятого пространства. Но на такой шаг соглашались далеко не все: одни просто оставались без средств, другие были настойчивы в своем желании закрепиться на «удобной земле» или были уверены в своем праве селиться там, где захотят.

Причисление переселенцев к старожильческим обществам было распространенной практикой. В Томской губернии за период с 1907 по 1912 г. среди старожил водворилось около 34 % семей переселенцев [Переселенцы, с. 2–3]. Такое решение вопроса о водворении занимало обычно меньше времени и привлекало переселенцев тем, что они приходили в уже налаженную в хозяйственном отношении среду. Новоселы легче находили посторонний заработок, который позволял продержаться первое время, и могли рассчитывать на оперативную помощь в случае нужды [Ходаческое движение, с. 14]. Это повышало шансы колонизаторов на успешную хозяйственную адаптацию.

Осуществление этого варианта затруднялось нежеланием старожильческих обществ принимать в свои ряды пришлый контингент [Ф. 391. Оп. 5. Д. 807. Л. 31, 52–52 об., 64–64 об.]. Распространено мнение, что это было связано с захватническим способом землепользования сибирских старожил и их опасениями по поводу земельного утеснения [Дорофеев, с. 96; Шевченко, с. 283]. Несомненной преградой была и высокая плата, которую старожилы устанавливали за свое согласие на причисление. Переселенцы сталкивались «с весьма тягостным укоренившимся в Сибири обычаем взимания обществами за принятие в свою среду “вступных денег”» [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 723. Л. 3]. В Томской губернии размер платы до 1906 г. колебался в пределах 40–60 руб., а с 1907 по 1912 г. – в пределах 100–200 руб. с одного земельного душевного надела [Переселенцы, с. 2].

Старожилы не всегда отличались порядочностью по отношению к новоселам. Одним из наиболее распространенных способов обмана переселенцев была продажа домов по завышенной цене с обещанием, что тот, кто их купит, будет причислен к сельскому обществу. Эта практика служила примером конфликта нормы обычного права и официального законодательства. С позиций обычного права продажа сельским обществом дома воспринималась новоселом как согласие на принятие его в данное общество, но официальное законодательство подобного не предусматривало [Дорофеев, с. 96–97].

Существенно затруднить адаптацию переселенцев могли социокультурные различия между старожилками и новоселами. Например, был риск возникновения религиозных разночтений. Переселяясь за Урал, крестьяне сталкивались с непривычным для них отношением к религии. Старожилы вели менее интенсивную религиозную обрядовую жизнь, а также попадали под влияние старообрядческих авторитетов и представителей религиозных сект, не принадлежавших православию [Чуркин, с. 24–25].

Местные крестьянские начальники имели право не утвердить приговор сельского схода старожильского селения о принятии в свой состав новых членов по причине недостаточной обеспеченности населенного пункта землей. Обеспеченными же в этом отношении считались лишь те селения, которые имели свыше 15 десятин удобной земли на каждую наличную мужскую душу. По мнению чиновника того времени главноуправляющего землеустройством и земледелием Б. А. Васильчикова, указанный порядок, получив распространение, ставил множество переселенцев в тяжелое положение и не соответствовал государственной переселенческой политике. В своем письме в Министерство внутренних дел он предлагал предоставить решение вопроса о приселении самим обществам [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 723. Л. 3 об. –4 об.]. Благодаря этой инициативе уже в феврале 1908 г. земский отдел МВД разослал соответствующие разъяснения по губерниям [Там же. Л. 6–7].

В разъяснениях, подписанных министром внутренних дел П. А. Столыпиным, в числе прочего проговаривалась позиция центральных властей: «приселение к старожилым обществам, насколько оно совершается собственными усилиями и средствами переселенцев, является одною из наиболее целесообразных форм переселения» [Там же. Л. 6 об.]. В то же время сибирские чиновники, основываясь на длительных наблюдениях за водворением и дальнейшим устройством переселенцев, считали, что «результаты приселения выходцев из Европейской России к старожильским поселкам крайне неблагоприятны. Поэтому надлежит оказывать на переселенцев воздействие с целью образования ими самостоятельных населенных пунктов» [Чуркин, с. 24–25]. Все это свидетельствует о неоднозначности тех вариантов водворения, которые предлагались переселенцам по установленным правилам.

Перечисленные проблемы, с которыми сталкивались переселенцы при своем водворении по легальным сценариям, усугублялись самовольностью переселения некоторых крестьян и увеличением потока переселенцев.

По подсчетам Д. Н. Беянина, из 443 147 переселенцев, проследовавших в Томскую губернию в 1896–1905 гг., проходные свидетельства имели только 276 462 чел., а за 1906–1909 гг. туда самовольно прибыли 362 625 чел. (особенно много таких переселенцев было в Барнаульском уезде²) [Беянин, с. 5–6]. По причине нелегальности своего переселения они могли рассчитывать на земельное обеспечение только при наличии свободных долей, ссудные мероприятия правительства касались их в исключительных случаях, льготы на данную категорию лиц также практически не распространялись. По оценкам исследователей, это были потенциальные неудачники, чьи жизненные перспек-

² По данным на начало 1911 г., 67,49 % неустроенных переселенцев Томской губернии проживали в Барнаульском уезде [Беянин, с. 6].

тивы были весьма ограничены, а шансы на успешное переселение малы [Чуркин, с. 26–27]. Однако позиция властей относительно самовольных переселенцев не была однозначной. Известно немало случаев, когда чиновники вставали на их сторону в спорных ситуациях или специально выделяли для их водворения земельные участки [Бе-лянин, с. 7–8]. В результате участие в переселении этого контингента порождало массу трудностей при водворении и землеустройстве как их самих, так и крестьян, переселявшихся на законных основаниях.

Наплыв переселенцев в результате аграрной реформы 1906 г. также осложнил ситуацию с их водворением и землеустройством. Особенно это касалось традиционных районов оседания крестьян из Европейской России, и прежде всего Алтайского округа. Он располагался на территориях Барнаульского, Бийского, Змеиногорского и Томского уездов, принадлежал императорской семье, управлялся кабинетом его императорского величества и считался одной из лучших для переселения частей Томской губернии.

В брошюре, изданной Управлением Алтайского округа, высказывалось негодование по поводу поведения ходоков. Хотя их предупреждали, что вблизи железной дороги свободных участков нет, и нужно ехать в Иркутскую и Енисейскую губернии, они «тем не менее слезают с поезда в облюбованном ими Алтае и идут выбирать себе чужие земли, ссылаясь на то, что они переселяются “по распоряжению правительства”. Отказ в отводе выбранной земли переселенцы считают незаконным стеснением» [К вопросу о землеустройстве, с. 13–14]. Представление переселенцев о порядке водворения на самом деле не всегда соответствовало действительности. В одном из крестьянских прошений на имя главноуправляющего земледелием и землеустройством утверждалось: «когда мы ехали из России в 1907 г. по железной Сибирской дороге, тогда же говорили нам г. переселенческие начальники... что поезжайте в какую хотите деревню, купите избу, и живите, и пусть вас причислят» [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 807. Л. 1].

Ограниченность в выборе путей решения вопроса о водворении и возросшая конкуренция между переселенцами и местными жителями за землю логично приводили к порождению неформальных (полу- или незаконных) практик.

Некоторые «непричисленные» переселенцы соглашались на проживание в старожильческом поселке без приемных приговоров, а также «без обычных общественных и сельскохозяйственных прав» в качестве «полетовщиков» или временно проживающих [Сибирская жизнь. 1906. 2 мая], с которых старожилы, как правило, брали большую плату в виде денег и натуральных повинностей [Белянин, с. 6]. Для одних это было временным решением вопроса о водворении, пока подыскивался пригодный для заселения участок, а для других – шансом законно остаться в старожильческом поселке в ходе землеустройства. Дело в том, что в районах, где еще не были завершены землеустроительные работы, «полетовщики» имели право на получение

надела в населенном пункте, где проживали, даже без приемного приговора от старожил, при условии, что они создали самостоятельное сельскохозяйственное хозяйство. Поэтому переселенцы стремились стать «полетовщиками» в Барнаульском уезде Томской губернии, где землеустроительные работы еще не были завершены [Белянин, с. 6].

В источниках описаны ситуации, когда переселенцы, получив приемный приговор, не выплачивали старожилам обещанные деньги. Выселить обманщиков и отменить приемный приговор было нельзя, старожилам лишь оставалось взыскивать неуплаченную сумму судебным порядком [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 807. Л. 123–123 об.].

В удобных для поселения местах, где все наделенные доли были уже заняты, практиковалась незаконная спекуляция землей. Обустроившиеся переселенцы продавали выделенный государством участок другим переселенцам, хотя они не являлись собственниками земли и не имели на это права. Продавец выдавал покупателю заявление об отказе от своих прав на наделенные доли, написанное на имя чиновника, заведующего водворением переселенцев. На основании этого документа покупатель водворялся на приобретенном участке. Подобные сделки могли происходить с ведома местных властей [Сборник статистических сведений, с. 146–147].

Часть переселенцев (особенно самовольных) предпочитала осесть в обжитых местах, невзирая на то, что эти земли уже были кем-то заняты, что приводило к захвату чужих земельных участков и угодий [Шевченко, с. 284]. В Алтайском округе дело доходило до того, что «крестьяне выставляли охрану, чтобы не допустить самовольного захвата ими (переселенцами. – Г. А.) земель» [К вопросу о землеустройстве, с. 10]. Захватам подвергались не только участки местных жителей. Переселенцы самовольно селились на казенно-оброчных или кабинетских землях, а затем начинали ходатайствовать об образовании из уже занятых ими земель переселенческого участка, на что некоторые получали согласие властей [Белянин, с. 8]. Даже сами переселенцы жаловались властям на захват их угодий другими переселенцами [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 37. Л. 40–40 об., 134–135].

Некоторые «захватчики» действовали хитрее: они любыми способами брали земельные участки в аренду, основательно там обустроившись, подсаживали своих родных и знакомых, а потом подавали прошения о наделении их этой землей как крепких хозяев [К вопросу о землеустройстве, с. 14]. Известны случаи, когда местные чиновники вставали на сторону захватчиков-переселенцев, ссылаясь на то, что они заняли не используемый старожилами участок и обзавелись хозяйством [РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 311. Л. 98].

О злободневности проблемы самовольного захвата земель свидетельствует тот факт, что она была затронута в проекте аграрной программы для Сибири у «октябристов» Томска. Они включили в свою программу положение о необходимости предотвращения захвата переселенцами земель местных крестьян [Харусь, с. 183].

Поселиться на удобном участке можно было при содействии коррумпированных представителей власти. Чиновники, выборные сельские уполномоченные и старосты, волостные старшины, писари вымогали взятки у переселенцев при получении участка под заселение, за их водворение в старожильческие общины, за выдаваемую ссуду и т. п. [Шевченко, с. 286].

Показательной в этом плане являлась ситуация, сложившаяся в Кулундинской степи (в западной части Барнаульского уезда), обнаруженная и расследованная властями в 1913–1914 гг. Крестьяне-переселенцы, желавшие поселиться на участках в первом и втором Кулундинских подрайонах Томского переселенческого района, получали в местной канцелярии переселенческого чиновника отказ на просьбу о зачислении. Потом «добрые люди» подсказывали им обратиться к посреднику, который мог поспособствовать в решении подобных вопросов. Последний, взяв с крестьян-переселенцев деньги за свои услуги, через какое-то время доставал им разрешения на зачисление, подписанные тем же переселенческим чиновником [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 107. Л. 2–3, 17–18].

Описание «кулундинских порядков», данное крестьянами-переселенцами, наталкивало на мысль о сговоре неких частных лиц, которые выступали посредниками при решении вопросов о зачислении переселенцев на участки, и местных чиновников, ответственных за организацию переселенческого процесса. Участие в этом преступном сговоре посредников, не являвшихся должностными лицами, было оправдано, поскольку их нельзя было привлечь к ответственности. Об этом докладывал в Переселенческое управление заведующий землеустройством и переселением в Томском переселенческом районе, ссылаясь на уже имевшийся прецедент, когда попытка привлечения к суду подобного посредника не увенчалась успехом [Там же. Л. 5–6].

Дознание, порученное чиновнику особых поручений Переселенческого управления, показало широчайший размах злоупотреблений в Кулундинской степи. Как было сказано в справке, составленной по итогам этого расследования, «обирание кулундинских переселенцев за все решительно вошло в систему» [Там же. Д. 104. Л. 136]. Сферы влияния посредников были разграничены территориально: так, в Ореховской волости плата за зачисление на земельные участки вносилась священнику Лисицкому; в Орловской волости торговал долями волостной старшина Яков Реймер («немецкий бог»); из Добровольской волости и отчасти из Богословской извлекал доходы староста Петр Акунченко; был замешан в злоупотреблениях и письмоводитель заведующего подрайоном Машура [Там же. Л. 134 об.].

Водворение и передворение переселенцев в Кулунде находились почти всецело в руках письмоводителей переселенческих чиновников, должностных лиц сельского управления и других посредников, которые вымогали с переселенцев денежные вознаграждения за свои труды и по своему усмотрению решали вопросы их землеустрой-

ства. Это обстоятельство накладывало отпечаток на переселенческие практики водворения, вынуждая крестьян-колонизаторов подстраиваться под обстоятельства и нести дополнительные расходы, что необходимо учитывать при оценке «затратности» переселения. Произвол чиновников, предоставляя колонизаторам возможность поселиться на удобном участке за дополнительную плату, являлся для них фактором риска. Нечистые на руку чиновники могли и после водворения тянуть из переселенцев деньги, а то и вовсе согнать их с уже обжитых участков [РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 104. Л. 4–4 об.].

Описанные неформальные практики водворения, к которым по собственной инициативе или вынужденно прибегали переселенцы, существенно усложняли и без того непростые поземельные отношения в регионе. Между новоселами и местными жителями при решении вопросов о водворении и дальнейшем землеустройстве возникали конфликты, вызванные взаимными претензиями. Крестьяне-сибиряки жаловались на наглость переселенцев, которые «чувствуют себя хозяевами положения» [Сибирская жизнь. 1909. 21 окт.]. Раздражал старожилов и факт передачи новоселам угодий, которыми они привыкли пользоваться сами³. По схожим причинам возникало противостояние между переселенцами и аборигенным населением («инородцами»). Местные жители и местные власти тоже не всегда отличались гостеприимством. Современники отмечали, что они «допускают по отношению переселенцев всевозможные насилия и самоуправство» [ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 1]. Конфликты влияли на успешность адаптации. Некоторых переселенцев это провоцировало на то, чтобы снова двинуться в путь в надежде на лучшие условия на новом месте, а то и вовсе вернуться обратно [подробнее см.: Алишина].

Выявленное многообразие переселенческих практик водворения вряд ли исчерпывается приведенными примерами. Сложно оценить степень их распространенности и однозначно говорить об их типичности или уникальности. Описанные в статье практики фигурируют в нескольких независимых друг от друга источниках, но это лишь косвенно свидетельствует об их рутинизированности. Тем не менее, можно уверенно утверждать, что крестьяне-колонизаторы имели выбор и могли различными способами решать вопрос об определении места жительства. Набор вариантов сокращался для самовольных переселенцев, а также уменьшался из-за высокой конкуренции за удобные земельные участки.

Эти обстоятельства приводили к появлению неформальных практик. Материалы Томской губернии показывают, что переселенцы, решая вопрос о месте дальнейшего поселения, пользовались лазейками в законах, соглашались на кабальные условия, нарушали заключенные договоры, захватывали чужие земли, давали взятки и пр. Нельзя не отметить роль представителей власти в возникновении по-

³ В газете «Сибирская жизнь» описано столкновение из-за леса, который отвели переселенцам, но старожилы продолжали считать его своим. В итоге несколько человек получили тяжелые ранения [Сибирская жизнь, 1914, 15 марта].

добных способов водворения. Некоторые из них проявляли доляльность по отношению к самовольным захватам чужой земли, действуя из лучших побуждений, но создавая тем самым опасный прецедент, а другие выстраивали масштабные коррупционные схемы, втягивая в них переселенцев. Позицию центральных и местных властей в вопросе о порядке водворения новоселов нельзя назвать согласованной и однозначной. Оценки различных сценариев противоречили друг другу, а «ручное управление» при решении конкретных ситуаций могло запутать переселенцев окончательно.

Сложно решить, были ли выявленные практики водворения типичными для всех губерний и областей Азиатской России. Возможно, часть из них была характерна только для Томской губернии, поскольку она пользовалась у переселенцев популярностью и конкуренция за удобные земельные участки была здесь особенно высокой. Но даже в этом случае с выявленными практиками столкнулось значительное число колонизаторов, и без их учета картина массового крестьянского переселения за Урал в конце XIX – начале XX в. будет неполной.

Список литературы

Алишина Г. Н. Старожилы, «инородцы» и новоселы Азиатской России в конце XIX – начале XX в.: факторы конфликтности // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы : сб. материалов Четвертой регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2010. С. 86–91.

Белянин Д. Н. Мероприятия правительства по устройству «неприсчисленных» переселенцев Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2011. № 4 (16). С. 5–10.

ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889.

Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917). Новосибирск : Наука, 1976. 342 с.

Дорофеев М. В. Поземельные отношения крестьян (переселенцы и старожилы на Алтае в 1880-х гг.) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2009. № 322. С. 95–98.

К вопросу о землеустройстве на Алтае и земельной политике Кабинета Его Величества : (По поводу статьи в журнале «Дальневосточное обозрение» – 1911 г., № 15). Барнаул : Типолит. Упр. Алтай. округа, 1912. 25 с.

Кауфман А. А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии : По данным произведенного в 1894 г. по поручению г. Томского губернатора подворного исследования. СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, 1896. 341 с.

Кузнецов В. Экономические результаты переселения в Сибирь и Степной край // Вопросы колонизации. СПб. : А. В. Успенский, 1908. Вып. 2. С. 69–83.

Минко Н. Переселенческое движение в 1907 г. // Вопросы колонизации. СПб. : А. В. Успенский, 1908. Вып. 3. С. 1–47.

Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири : материалы стат.-экон. исслед., собр. и разработ. под рук. и ред. В. Я. Нагнибеда. Томск : [Б. и.], 1927. 615 с.

ПСЗ-1. Т. 24.

РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 311, 723, 759; Оп. 5. Д. 37, 104, 107, 807.

Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский : материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собр. и разработ. под рук. и ред. В. Я. Нагнибеда. Вып. 1. Томск : [Б. и.], 1913. 281 + 30 + 29 с.

Сибирская жизнь. 1906, 1907, 1909, 1914.

Татарникова А. И. Переселенческие поселки в Западной Сибири конца имперского периода: численность, социальная инфраструктура, санитарное состояние // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 417. С. 155–162. DOI 10.17223/15617793/417/22.

Тихонов Б. В. Переселения в России во второй половине XIX в. (по материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики). М. : Наука, 1978. 215 с.

Тюкавкин В. Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX века. Иркутск : Иркутск. гос. пед. ин-т, 1961. 27 с.

Харусь О. А. Переселенческий вопрос в общественно-политических практиках либералов Сибири в начале XX века // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. / отв. ред. М. К. Чуркин. Вып. 14. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. С. 182–188.

Ходаческое движение, водворение переселенцев и связанные с ним мероприятия в Азиатской России в 1909 году (по отчетным данным заведующих переселенческими районами) // Вопросы колонизации. СПб. : А. В. Успенский, 1909. № 7. С. 3–33.

Чуркин М. К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сиб. ист. исслед. 2013. № 1. С. 18–30.

Шевченко В. Н. Столыпинская аграрная реформа и нарастание социальной напряженности в сибирской деревне // Вестн. Красноярск. гос. аграрного ун-та. 2014. № 6. С. 283–287.

Шиловский М. В. Отводные записки как источник по истории землеустройства в Томской губернии начала XX века // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2012. № 2 (18). С. 49–53.

References

Alishina, G. N. (2010). Starozhily, “inorodtsy” i novosely Aziatskoi Rossii v kontse XIX – nachale XX v.: faktory konfliktnosti [Starozhily, ‘Inorodtsy’, and Novosely in the Asian Part of Russia between the Late 19th and Early 20th Centuries: Factors of Conflict]. In *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy. Sbornik materialov Chetvertioi regional’noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii*. Novosibirsk, Parallel’, pp. 86–91.

Belyanin, D. N. (2011). Meropriyatiya pravitel’sтва po ustroistvu “neprichislennykh” pereselentsev Zapadnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [Government Measures to Help ‘Neprichislennyye’ Citizens Settle in Western Siberia at the Turn of the 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 4 (16), pp. 5–10.

Churkin, M. K. (2013). Adaptivnaya situatsiya, bar’ery i strategii povedeniya pereselentsev chernozemnogo tsentra Evropeiskoi Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Adaptation and Strategies of New Settlers in the Areas of Fertile Soil in the European Part of Russia between the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries]. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 18–30.

Dorofeev, M. V. (2009). Pozemel’nye otnosheniya krest’yan (pereselentsy i starozhily na Altae v 1880-kh gg.) [Peasants and Land (New Settlers and Local Residents in the Altai in the 1880s)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 322, pp. 95–98.

ГААК [State Archive of Altai Region]. Stock 3. List 1. Dos. 889.

Goryushkin, L. M. (1976). *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917)* [Agricultural Relations in Siberia during the Period of Imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk, Nauka. 342 p.

K voprosu o zemleustroistve na Altae i zemel’noi politike Kabineta Ego Velichestva. (Po povodu stat’i v zhurnale “Dal’nevostochnoe obozrenie” – 1911 g., No. 15) [On Land Management in the Altai and the Land Policy of the Cabinet of His Majesty (Regarding the Article in the Journal *Dal’nevostochnoe Obozrenie*, 1911, No. 15)]. (1912). Barnaul, Tipolitografiya Upravleniya Altaiskogo okruga. 25 p.

Kaufman, A. A. (1896). *Khozyaistvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoi gubernii. Po dannym proizvedennogo v 1894 g. po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya* [The Economic Situation of New Settlers in Tomsk Province. Based on the Survey of Households Conducted in 1894, Commissioned by the Tomsk Governor]. St Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i Co. 341 p.

Kharus', O. A. (2017). Pereselencheskii vopros v obshchestvenno-politicheskikh praktikakh liberalov Sibiri v nachale XX veka [The Settlement Question in the Socio-Political Practices of Liberals in Siberia in the Early 20th Century]. In Churkin, M. K. (Ed.). *Voprosy istorii Sibiri. Sbornik nauchnykh statei*. Iss. 14. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 182–188.

Khodacheskoe dvizhenie, vodvorenje pereselentsev i svyazannye s nim meropriyatiya v Aziatskoi Rossii v 1909 godu (po otchetnym dannym zaveduyushchikh pereselencheskimi raionami) [The Settlement Movement, Practices of Settlement and Associated Measures Taken in the Asian Part of Russia in 1909 (Based on the Reports Issued by Heads of Administrative Areas for New Settlers)]. (1909). In *Voprosy kolonizatsii*. No. 7, pp. 3–33.

Kuznetsov, V. (1908). Ekonomicheskie rezul'taty pereseleniya v Sibir' i Stepnoi krai [Economic Implications of Resettlement in Siberia and the Steppe Region]. In *Voprosy kolonizatsii*. St Petersburg, A. V. Uspenskii. Iss. 2, pp. 69–83.

Minko, N. (1908). Pereselencheskoe dvizhenie v 1907 g. [The Resettlement Movement in 1907]. In *Voprosy kolonizatsii*. St Petersburg, A. V. Uspenskii. Iss.3, pp. 1–47.

Pereselentsy, priselivshiesya k starozhilam i starozhilyi Altaisko-Tomskoi chasti Sibiri: materialy statistiko-ekonomicheskogo issledovaniya, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom i redaktsiei V. Ya. Nagnibeda [Migrants Who Settled with Old Siberians and the Old Siberians of the Altai-Tomsk Part of Siberia: Materials of Statistical and Economic Research Collected and Developed under the Leadership and Editorship of V. Ya. Nagnibeda]. (1927). Tomsk, S. n. 615 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 1. Vol. 24.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 391. List 3. Dos. 311, 723, 759; List 5. Dos. 37, 104, 107, 807.

Sbornik statisticheskikh svedenii ob ekonomicheskom polozhenii pereselentsev v Tomskoi gubernii. Uezdy Barnaul'skii, Kainskii, Tomskii i Mariinskii. Materialy po issledovaniyu pereselencheskikh khozyaistv, sobrannye i rasrabotannye pod rukovodstvom i redaktsiei V. Ya. Nagnibeda. [Collection of Statistical Data on the Economic Situation of Immigrants in Tomsk Province. Barnaul, Kainsk, Tomsk and Mariinsk Uyezds: Materials on the Study of Resettlement Farms, Collected and Developed under the Leadership and Editorship of V. Ya. Nagnibeda]. (1913). Tomsk, S. n. 281 + 30 + 29 p.

Shevchenko, V. N. (2014). Stolypinskaya agrarnaya reforma i narastanie sotsial'noi napryazhennosti v sibirskoi derevne [The Stolypin Agricultural Reform and the Rise of Social Tensions in the Siberian Village]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No. 6, pp. 283–287.

Shilovskii, M. V. (2012). Otvodnye zapiski kak istochnik po istorii zemleustroistva v Tomskoi gubernii nachala XX veka [*Otvodnye Zapiski* as a Source on the History of Land Management in Tomsk Province in the Early 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 2 (18), pp. 49–53.

Sibirskaya zhizn' [Siberian Life]. 1906, 1907, 1909, 1914.

Tatarnikova, A. I. (2017). Pereselencheskie poselki v Zapadnoi Sibiri kontsa imperskogo perioda: chislennost', sotsial'naya infrastruktura, sanitarnoe sostoyanie [New Settler Villages in Western Siberia at the End of the Imperial Period: Population, Social Infrastructure, and Health Issues]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 417, pp. 155–162. DOI 10.17223/15617793/417/22.

Tikhonov, B. V. (1978). *Pereseleniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam perepisi 1897 g. i pasportnoi statistiki)* [Population Resettlement in Russia in the Second Half of the 19th Century (Based on the 1897 Census and Passport Statistics)]. Moscow, Nauka. 215 p.

Tyukavkin, V. G. (1961). *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki pereseleniya krest'yan v Sibir' v nachale XX veka* [Social and Economic Factors in Peasant Resettlement to Siberia in the Early 20th Century]. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut. 27 p.